

Источники и литература:

1. Acta Nuntiaturae Polonae. – Roma : Institutum Historicum Polonicum, 1990. – Т. I. / auctore H.D. Wojtyska. – 477 p.
2. Acta Nuntiaturae Polonae. – Roma : Institutum Historicum Polonicum, 1992. – Т. II : Zacharias Ferreri (1519–1521) et nuntii minores (1522–1553) / ed. H. D. Wojtyska. – 498 p.
3. Biskup, M. Polska a Zakon krzyżacki w Prusach w początkach XVI wieku / M. Biskup. – Olsztyn : Wyd. Pojezierze, 1983. – 647 s.
4. Dokumenty Soborów Powszechnych / układ i oprac. A. Baron, H. Pietras. – Kraków, 2004. – Т. IV. – 347 s.
5. La Lega Santa del 1538 // Europa i Osmanie w okresie Lig Świątych. Polska między Wschodem a Zachodem / J. Marco. – Kraków : Polska Akad. Umiejętności, 2003. – S. 119–132.
6. Monumenta Poloniae Vaticana / ed. E. Kuntze, C. Nanke. – Cracoviae : Sumptibus Academiae Litterarum Cracovensis, 1923–1933. – Т. V : Alberti Bolognetti nuntii Apostolici in Polonia. Epistolae et Acta. 1581–1585. – 748 s.
7. Sach, M. Hohmeister und Großfürst: die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preußen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit / M. Sach. – Stuttgart : Steiner, 2002. – 408 s.
8. Tańkowski, P. Jan Łaski (1456–1531) kanclerz koronny i prymas Polski / P. Tańkowski. – Warszawa : Wyd. Sejmowe; wyd. Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. – 474 s.
9. Акты исторические, относящиеся к истории России: в 2 т. / изд. А.И. Тургенев. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1841. – Т. 1 : Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов с 1075 по 1584 г. – 401 с.
10. Бочкарев, В.Н. Московское государство в XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев / В.Н. Бочкарев. – СПб. : Кн-во типо-лит «Энергия», 1914. – 144 с.
11. Кампенский, А. О делах Московии / А. Кампенский // Россия и Италия : сб. ст. / Ин-т всеобщей истории РАН ; редкол.: Н.П. Комолова (отв. ред.) [и др.] – М., 1995. – С. 180–225.
12. Коло, Ф. де. Доношения о Московии / Ф. де Коло ; подгот. текста, пер., вст. ст. и комм. О. Симич. – М. : Наследие, 1996. – 84 с.
13. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким орденом в Пруссии (1516–1520) // Сб. Императорского русского исторического общества. – 1887. – Т. 53. – 252 с.
14. Письмо Альберто Кампенезе к Папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. – Т. I. – СПб. : Тип. III Отдел. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. – 32 с.
15. Рутенбург, В.И. Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. / В.И. Рутенбург // Институт истории. Ленинградское отделение. Труды. – 1964. – Вып. 7 : Исследования по отечественному источниковедению : сборник статей, посвященных 75-летию профессора С.Н. Валка. – С. 455–462.
16. Шаркова, И.С. Россия и Италия: торговые отношения XV – первой четверти XVIII в. / И.С. Шаркова. – Л. : Наука, 1981. – 208 с.

**ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ
НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ (1577–1583 гг.)**

А.М. Егоров, И.А. Егоров (Псков)

Характерной особенностью европейских международных отношений второй половины XVI века стали процессы серьезной геополитической трансформации в бассейне Балтийского моря [2, с. 94]. Распад к середине XVI века Ливонской конфедерации, совпавший с процессом усиления соседних централизованных государств, способствовал втягиванию России, Литвы, Польши и Швеции в активную борьбу за контроль над сопредельными территориями [4, с. 11–12].

Особое значение их борьба приобрела на заключительном этапе Ливонской войны, имевшем важные последствия для дальнейшего развития русского централизованного государства, когда основным его противником стал новый король Речи Посполитой Стефан Баторий (1575–1586) [1, с. 51].

В качестве короля и верховного главнокомандующего, Стефан Баторий начал проводить значительные организационные и тактические реформы, обратив внимание на укрепление неаристократической пехоты (т.н. «избранная пехота»), в которую требовал отправлять и обеспечивать оружием каждого десятого из крестьян, проживавшего на королевских землях. Выбранный воин освобождался особым свидетельством от феодальных повинностей и других платежей, за что раз в год обязан был по вызову являться в определенное время на военные сборы для обучения.

В части тактических изменений за образец вполне мог быть взят достаточно передовой для XVI века опыт русской стрелецкой пехоты. Стрельцы представляли воинское подразделение современного для того времени типа, так как почти полностью зависели от огневой силы и в источниках практически не зафиксировано ни одной попытки вооружить их пиками, еще широко распространенными в западноевропейских армиях. Согласно сведениям польско-литовских очевидцев, в ходе Ливонской войны стрельцы и другие подразделения русской пехоты постоянно демонстрировали способность к упорному сопротивлению, особенно во время осад.

Основной акцент при создании «избранной» пехоты Стефана Батория, как и у стрельцов Ивана IV Грозного, делался на огневую силу. Соответственно, было уменьшено число подразделений, вооруженных холодным оружием (пиками, алебардами и боевыми топориками). В связи с тем, что реализовать проект создания постоянной армии путём набора солдат в королевских имениях полностью не удалось, нехватку пехотных контингентов Стефан Баторий старался компенсировать вербовкой немецких и других западноевропейских наемников.

Хотя реформирование пехоты, проводившееся Стефаном Баторием, было важным мероприятием его военной политики, но все же, по выше указанной причине, основное различие в развитии армий России и Речи Посполитой в данный период было связано в большей степени с конницей. К июню 1579 года задокументированная численность армии Речи Посполитой достигла 56 000 человек, из которых 25 500 были из Польши и 30 500 из Литвы. При этом 29 741 человек служили в коннице и 11 973 (29%) бойцов числились в пехоте. Таким образом, подавляющее большинство регулярной армии Батория состояло из подразделений гусаров (до 75% от всей кавалерии), которые дополнялись казачьей конницей, литовскими татарами, венгерскими и немецкими всадниками, а также легкой конницей шляхетского ополчения.

Как показал опыт предшествующих кампаний Ливонской войны, тяжелая кавалерия западного типа была слишком медленной и неповоротливой по сравнению с маневренной легкой татарской конницей и дворянским конным ополчением, находившимся в распоряжении царя Ивана IV. Поэтому главную ставку в развитии своей конницы Стефан Баторий сделал на гу-

сар (т.н. «гусария», или «крылатые гусары»), которые представляли собой, по сути, среднюю кавалерию. Он отказался от неповоротливых воинов в тяжелых латах, которые еще во времена Сигизмунда II Августа (великий князь литовский с 1529 г., король польский с 1530 г. по 1572 г.) составляли одну треть от роты гусаров.

Гусарские подразделения отличались достаточной скоростью и способностью осуществлять быстрые маневры, но при этом, будучи более тяжело экипированными и вооруженными легкими, но необычайно длинными пиками (до 6 метров), они были способны на серьезные концентрированные удары в галопе, по сравнению с традиционной легкой конницей. С 1576 года в качестве вспомогательного средства летучие гусары начали снабжаться короткоствольным и длинноствольным огнестрельным оружием.

Стефан Баторий довел развитие реформированных гусарских подразделений в металлических доспехах до логического конца, сделав их ядром своей ударной полутяжелой конницы. Можно утверждать, что относительного преимущества в период своих походов против русских войск в 1579–1581 гг. Стефан Баторий пытался достичь, прежде всего, с помощью этой конницы. В других родах войск особыми преимуществами польско-литовская армия не обладала. Русская артиллерия во время всех трех походов Стефана Батория оставалась явно сильнее, чем его собственная. Развитие пехоты противоборствующих сторон происходило в одном направлении, с определенным опережением по численности у русской армии. К 1600 году в русской армии насчитывалось 20 000–25 000 стрельцов, из которых 2800 служили в двадцати восьми элитных ротах, располагавшихся в Москве.

Поместная русская конница оказалась меньше затронута военными преобразованиями царя Ивана IV, хотя после 1550 года ее вооружение и обмундирование немного улучшились. Тем не менее, по своему содержанию она по-прежнему тяготела к татарскому типу легкой конницы, которая была вооружена луками, маленькими копьями и саблями. Отличительной чертой ее тактики являлись в основном быстрые налеты и неожиданные нападения, а не крупные сражения. Единственный крупный бой в ходе торопецкой операции показал неспособность поместной конницы противостоять более дисциплинированным и тяжеловооруженным гусарам Стефана Батория в случае прямого боестолкновения на открытой местности.

В 1579–1580 гг. русская конница предпринимала многочисленные вылазки в Литву, но кроме локальных налетов и погромов местного значения, существенных результатов не достигла и ретировалась при приближении крупных сил неприятеля. Когда после падения Великих Лук русские войска готовились контратаковать Батория от Торопца силами в 4000 человек (включая одно подразделение стрельцов), он послал навстречу последним 2000 своих гусар и венгерских конников. И 20 сентября 1580 года те, несмотря на встречный огонь стрельцов, вынудили русские силы отступить.

В период Ливонской войны на боевые действия мало влияла и смена сезонов года. Хотя отдельные иностранные наблюдатели иногда пребывали в полной растерянности, не понимая как в такой обстановке вообще можно

вести войну. Например, изумленный посол Турции, оказавшийся в польском лагере под Псковом осенью – зимою 1581 года, советовал султану ни в коем случае не выводить свои войска и не испытывать их морозом. Но в период Ливонской войны такие операции для противоборствующих сторон были уже обычным делом. Кавалерия при этом была незаменима для охраны и снабжения армии продовольствием. Осенью 1581 года коронный гетман Ян Замойский приказал каждой гусарской роте направить на эти цели пятую часть своего состава и создать для поиска провианта группы из 120 конников. Несмотря на серьезные трудности, им регулярно удавалось снабжать провизией армию Стефана Батория, стоявшую в течение пяти месяцев под Псковом. Если бы эту осаду вела только пехота, то его люди просто бы умерли от голода. В сентябре 1581 года рейды польской конницы за фуражом в одном направлении достигали 40–70 километров и занимали 4–6 дней на всю вылазку. К октябрю удаленность таких экспедиций достигала уже 210–280 километров. В январе некоторые конные польские подразделения удалялись от стен Пскова на расстояние в 350 километров, и отсутствовали в лагере почти месяц. Их маршруты доходили до Пярну на западе, Нарвы и Копорья – на севере, Новгорода – на северо-востоке, Торопца и Полоцка – на юге.

Однако даже хорошо организованная конница не могла в одиночку выиграть войну, что ярко продемонстрировала героическая оборона Пскова в 1581–1582 гг. Псковский гарнизон включал по разным оценкам от 2500 до 7000 стрельцов и около 2000 конников, к которым присоединилось ополчение примерно в 10 000 человек из числа местного мужского населения. Крепостная артиллерия псковичей в ходе всей осады города постоянно беспокоила врага регулярными обстрелами, против которых гусары Стефана Батория были бессильны. Один из участников польской осады Пскова в 1581 году так комментировал это обстоятельство: «Наши наездники подъезжали под самые стены крепости, выманивая русских, но те не хотели выходить из-под выстрелов. Стояло их у самой стены несколько сот конных и пеших; когда их теснили, они отступали к стенам и старались отстреливаться из ручниц и самопалов; а когда наши отступали, они гнались за ними, но всегда так, что оставались под защитой крепостных орудий. Пушки у них отличные и в достаточном количестве; стреляют ядрами в сорок полновесных фунтов, величиной с голову: достанется нашим батареям и насыпям» [3, с. 322].

Польскому королю удалось привести под стены Пскова не более 20 единиц тяжелых артиллерийских орудий. Пехоты у Батория также было мало, и значительная ее часть состояла из наемных иностранных наемников. Поэтому его коннице частично пришлось спешиться и спуститься в окопы и осадные траншеи для участия в штурмах псковской крепости вместе с пехотой. Когда в декабре 1581 года большая часть немецких наемников-пехотинцев отошла от стен Пскова, от каждой конной роты численностью 150 человек в пехоту было отправлено по семь конников, а от конных рот численностью 100 человек на службу в качестве пехотинцев перевели по пять человек. Таким образом, можно вполне объективно констатировать, что результаты военной реформы Стефана Батория, ориенти-

рованной на подготовку к наступательной войне против России с использованием мобильных, хорошо вооруженных и дисциплинированных конных формирований, были в значительной степени нейтрализованы тактикой оборонявшихся, которые опирались на широкое использование огневой силы пехоты и артиллерии.

В таких условиях Стефану Баторию оставалось довольствоваться только блокадой осажденного Пскова [5, с. 263]. Она хотя и не привела к падению этого важного в стратегическом плане города-крепости, все же вынудила Московское правительство пойти на заключение в январе 1582 года достаточно сурового Ям Запольского перемирия с Речью Посполитой, сопровождавшегося отказом от ранее сделанных им завоеваний в Ливонии. Тем не менее, упорная оборона Пскова сорвала более широкие наступательные планы польского короля. Эти события хорошо известны, давно получили должную оценку, как в отечественной, так и в зарубежной историографии, и не требуют дополнительных комментариев в рамках данной статьи.

Источники и литература:

1. Егоров, А. Господи, какой большой город! Точно Париж! / А. Егоров // Родина. – 2012. – № 2. – С. 51–54.
2. Егоров, А.М. Соперничество членов Ганзейского союза за лидерство в трансграничной торговле на Балтийском море в эпоху средневековья / А.М. Егоров // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 4(131). – С. 93–94.
3. Осада Пскова глазами иностранцев : дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.) / вступ. ст. и коммент. А.А. Михайлова : биограф. очерк Н.Ф. Левина ; в пер. с пол. О.Н. Милевского. – Псков : Псковская обл. тип., 2005. – 503 с.
4. Пенской, В.В. Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. / В.В. Пенской. – М. : Центрполиграф, 2017. – 254 с.
5. Псковские летописи. (Полное собрание русских летописей). – Т. V. Вып. 2. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 363 с.

**П.Н. ЖУКОВИЧ О ВЛИЯНИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА
НА КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII В.**

Г.В. Васюк, Е.М. Ирха (Гродно)

П.Н. Жукович один из первых среди российских историков внимательно и глубоко проанализировал сеймовую борьбу православной шляхты с Брестской церковной унией. Изучению данной проблемы посвящена его фундаментальная монография «Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией до 1609 г.», ранее защищенная как докторская диссертация в 1901 г.

В данном труде П.Н. Жукович исследовал сеймовую борьбу по вопросам статуса православной веры и православной церкви в Речи Посполитой в тесной взаимосвязи с проблемами внутренней и внешней политики. Следует отметить, что в рассматриваемой работе внешнеполитический аспект не является доминирующим, а выступает лишь фоном, более ярко показывающим перипетии межконфессиональных противоречий в Польско-Литовском государстве.